

УДК 398.2

DOI 10.25587/w7517-4492-4976-w

Атеш Ахмедли

Институт Фольклора НАНА

СКАЗИТЕЛЬСТВО В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье сказительство исследовано в контексте категорий времени и пространства. На современном этапе мировой фольклористики искусство «сказительства» и фактор «сказителя» составляют одно из приоритетных направлений этой науки. Исходя из этого, в области исследования фольклора сформировались новые взгляды и теории, что позволило концептуально подойти к проблеме. Цель исследования – выявить основные факторы окружающей его этнокультурной сферы, включающей в себя социальные, экономические, политические, культурные и другие стереотипы пространственно-временного континуума. В исследовании понятие «текст» было взято как ведущая линия, и с точки зрения текста была исследована идея и сущность темы. Теоретически-методологические основы статьи, которая написана, в основном, историко-сравнительным и сравнительно-типологическим методами, составляют следующие источники: во-первых, в области изучения национального фольклора был взят за основу опыт, охватывающий более полутора столетий; во-вторых, мы опирались на международный (в т. ч. и существующий в России и Европе) научный опыт, связанный со сказительским искусством.

В ходе исследования была внесена ясность на то, какую функцию эти категории выполняют при формировании структуры (поэтического) текста. Далее здесь говорится о том, какими качественными изменениями сопровождаются эти категории в связи со сказителем и текстом (аудиторией), например, о явлениях в абстрактном или конкретном, поэтичном или информативном и др. смыслах. Помимо этого, в статье также было уделено внимание нюансам о функциональности этих категорий в качестве основополагающего и регуляторного способа при возникновении сюжетных смещений (контаминативных ситуаций). В итоге, читателям был представлен на основе схем процесс (этно-культурологическая динамика) формирования текста.

По мере развития научно-технического прогресса, ультрасовременной промышленности и космополитической жизни мы являемся свидетелями постепенного исчезновения древних эпическо-поэтических традиций. Так что, эта тема в настоящее время исследуется более фундаментально в современном Азербайджане, где хоть и частично проживают профессиональные фольклорные сказители, а региональная фольклорная среда все еще функциональна. Мы считаем, что успешное завершение таких исследований параллельно создаст почву в будущем для защиты и трансформации также наших национально-духовных ценностей.

Ключевые слова: эпос, сказитель, традиция, преемственность, текст, формула, сюжет, континуум, контаминация, функция, категория.

Atesh Akhmedli

Narration in the context of time and space

Abstract. The article considers the narration in the context of the categories of time and space. At the present stage of world folklore, the art of “narration” and the factor of “narrator” are one of the priority areas of this science. Based on this, in the field of folklore research, new views and theories were formed, which allowed a conceptual approach to the problem. The purpose of the study was to identify the main factors of the surrounding ethnocultural sphere, which includes social, economic, political, cultural and other stereotypes of the space-time continuum. In the study, the concept of “text” was taken as a leading line, and from the point of view of the

АХМЕДЛИ Атеш – д. филол. н., в. н. с., отдел «Обрядовый фольклор», Институт Фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.

E-mail: atesehmedli@gmail.com

AKHMEDLI Atesh – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the “Ceremony of Folklore” Department, Institute of Folklore, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan.

E-mail: atesehmedli@gmail.com

text, the idea and essence of the topic was investigated. The theoretical and methodological foundations of the article, which was written mainly by historical-comparative and comparative-typological methods, comprised the following sources:

firstly, in the field of the study of national folklore, experience was taken as the basis, covering more than one and a half centuries;

secondly, we relied on international (including existing in Russia and Europe) scientific experience related to storytelling.

In the course of the study, clarity was made on what function these categories fulfill when forming the structure of the (poetic) text. Further, it is said about what qualitative changes are accompanied by these categories in connection with the narrator and the text (audience), for example, about revelations in the abstract or concrete, poetic or informative, and other senses. In addition, the article also paid attention to the nuances of the functionality of these categories as a fundamental and regulatory method in the case of plot mixes (contaminative situations). As a result, the process (ethno-cultural dynamics) of the formation of the text was presented to readers on the basis of the schemes.

With the development of scientific and technological progress, cutting-edge industry and cosmopolitan life, we are witnessing the gradual disappearance of ancient epic-poetic traditions. Thus, this topic is currently being studied more fundamentally in modern Azerbaijan, where professional folklore storytellers live, although partially, and the regional folklore environment is still functional. We believe that the successful completion of such studies will in parallel create the ground for the protection and transformation of our national spiritual values.

Keywords: epic, narrator, tradition, inheritance, text, formula, plot, continuum, contamination, function, category.

Введение

Создание, построение литературного, в особенности эпического, текста – результат серьезного формирования этого очень сложного и длительного процесса.

Несомненно, существуют влияния, которые обуславливают и развивают эту структуру. Именно по этой причине в статье мы сочли нужным остановиться на тех каналах влияния, которые имеют наиболее эффективное вмешательство в данный процесс. Итак, постараемся внести ясность в вопрос функционирования, который несет в себе пространственно-временные категории, формирующие поэтическую структуру текста. Доктор филологических наук Ф. Баят в связи этим пишет: «Пространственно-временный континуум является основным функциональным элементом в построении текста... Сюжет во всех случаях формируется на основе пространственно-временного континуума» [1, с. 28].

Взгляд сказителя на время

Как известно, во многих поэтических текстах, хотя и с символическими обозначениями, скопилась довольно ценная информация о жизни, истории и древности этноса. В связи с устным переносом эти сведения время от времени деградировались, а от некоторых из них не осталось и следа. С этой точки зрения, время в фольклоре превратилось в понятие абстрактное. Надо сказать, что эта абстрактность в сказках проявляется более выразительно. Это явно обосновывает содержание и суть фиксации (утверждения) в начальных формулах сказок. Например, «Жил да был в древние времена один шах» или же «был в древности один шах», и в других подобных формулах нам неизвестно какое прошлое имеется в виду. И по этой же причине, в большинстве случаев попытка «поиска» исторического факта в сказках не приносит к успешному завершению проводимого исследования.

Правда, при сравнении выражение «очень древнее» подчеркивает, что событие может быть связано с более далеким прошлым. Тем не менее, эта информация не разъясняет, какой (абстрактный или относительно абстрактный) намек на отрезок времени содержится в тексте. В любом случае, у сказителя имеется собственное отношение на время, и давайте попробуем разъяснить, что это за отношение в текстовом пространстве, которое было записано сказителем в современную эпоху. Реальность такова, что, когда сказитель рассказывает сказку про Шаха Аббаса, он использует такое предложение: «Его зовут Шах Аббасом сыном Шаха, а также Шах Аббасом сыном Шейхи, кто из них кто неизвестно» [2, с. 205].

В этом случае у нас может возникнуть такое впечатление, известно ли самому сказителю время, упомянутое в рассказанной им истории? Или же он больше убежден, в том, что эта

история адресована Шаху Аббасу I (Аббас Великий), или характеризует период Шах Аббасов в целом?! Это интересный вопрос, но в то же время он нуждается в разъяснении. В предыдущих исследованиях мы также подчеркивали, что в действительности формула, которая характеризует Шаха Аббаса I как моделируемую формулу переодевания «измениться в одежде дервиша (переодеться в дервиша) (мусульманский аналог монаха)», связанная с Шахом Аббасом II (Аббас II), в наших сказках сконцентрирована в качестве субстантивности [2-5].

Что касается отношения сказителя к вопросу, то можно предположить, что у него тоже нет сомнений по поводу того, что Шах Аббас I был личностью, принадлежащей к династии «Шейхи». Однако, его может не интересовать связь короля с общиной, да еще надо иметь лояльное отношение к позиции сказителя. Главным нюансом здесь является то, что сказитель верит в связь рассказанной истории с эпохой сына правителя Шаха Аббаса (он даже пытается привить это своей аудитории). В таком случае возникает необходимость внести ясность исследователем в тот (или иной) спорный вопрос.

Насколько нам известно, просветительское мастерство Шаха Аббаса Сани (второго), известного своей добротой и справедливостью, в годы своего правления еще больше повысили его авторитет среди народа. Естественно, этот момент требует уточнения, является ли Шах членом общины. Пока имеющиеся у нас источники предоставляют возможность только поверхностно отнестись к проблеме. Письмо, адресованное Манучехр хану из ширванского беклярбека (управляющего государственной администрацией) от хиджры (мусульманский календарь) 1070 (1659/60) г. Шахом Аббасом II, как исторический документ имеет особое значение в этих источниках. Итак, «в письме, в связи с возвращением дервиша Мустафы, прибывшего из Турции в Иран, по ширванскому пути дается совет с уважением встретить и проводить его» [6, с. 188]. В любом случае, информация косвенно обосновывает связь Аббаса II с дервишами. Слово «Дервиш» в переводе от персидского означает «раб-привратник», «сидящий у двери». Эта дверь – подол муршида, точка святыни, врата Истины... «Благодать и сущность этой борьбы заключается в отшельничестве (затворничестве) желания, во внутренней и внешней чистоте, овладении самоотверженности и знаний, познании мира и Аллаха не разумом и логикой, а любовью и состоянием» [7, с. 72-74]. В те времена были фундаментальные принципы, обеспечивающие устойчивое и безраздельное господство династии над королевством, и мы считаем, что среди них самое важное место занимала община «Шейхи». Основа суфийско-дервишской секты, называемой «Сефевийя» или «Шейхи», была заложена еще шейхом Сафиаддином в городе Ардебиль во времена монголо-татарского правления [8, с. 15]. Шейхизм, который возник в суфийско-дервишском «одеянии» и в свое время отражавший современный характер, был по сути продолжением своих предшественников. Согласно уставу, влиятельные шейхи и видные государственные деятели с положением, принадлежавшие к династии члены общины получали право нести «Суфийский орден», являющийся самой высшей наградой «Сефевийи». Прямая связь между суверенной сектой династии сообщает нам, что фактически Аббас II поддерживает этот титул. Непосредственная связь династии с вышестоящими общинами на самом деле сообщает нам о том, что Аббас II также имел этот титул. В целом, согласно прогрессивным взглядам, Аббас II был оценен как интересная личность в известных исторических источниках, и для достоверности нам необходимо упомянуть некоторые из этих источников в нашем исследовании [9, с. 65; 10, с. 70].

В ходе собирания исследователь должен относиться к подобным моментам с чуткостью, немедленно записывать услышанные от сказителя дополнительные мысли и информацию, внимательно перебирать полученную информацию. Интересно, что некоторые детали, связанные с историческими событиями были зашифрованы в фольклорных материалах, поэтому их расшифровка должна быть наиболее интересна для исследователя.

По сравнению со сказками в наших эпосах можно проследить отражение деталей, связанных с еще более серьезными фактами и историческими событиями. Это также подчеркивает то, что эпосы являются и поэтическим событием, и художественным хроно-текстом определенных исторических процессов. Это один из многочисленных аспектов вопроса. В процессе исполнения способ подхода к событиям выявляет вторую существенную разницу между этими двумя исполнениями (а также жанрами). Если сказитель сказки относится к рассказанному как

наблюдатель, сказитель эпоса в процессе исполнения может активно вмешиваться в события, косвенно превращаясь в участника событий. А иногда делает такие жесты, что как будто бы был свидетелем всего рассказанного. Конечно, это все не приводит нас к такому выводу, что сказки оторваны от своих исторических корней. В каком бы абстрактном плане они не отражались, нельзя выдвигать окончательное мнение о том, что хотя бы часть исторических деталей, связанных с эпохой шахов (например, шах Аббасов), «не покровительствовались» под «художественным клише». В любом случае, это положение поддерживается большим преимуществом в народной этимологии. Авторы этой этимологии больше убеждены в том, что проявления правящей династии в нашем фольклоре «в одеянии дервиша» сформировались именно в эпоху Шах Аббасов. Одним словом, различие, возникшее из жанровой специфики, также подталкивает взглянуть на обнаруженные в этой области концепции с разных ракурсов. Таким образом, это качество, которое своеобразно стимулируется в каждом жанре по отдельности, также участвует как основополагающее средство в индивидуальном формировании поэтической структуры.

Как правило, в этом процессе параллели функциональны в построении текста, когда они независимы друг от друга, но мнимо пересекаются друг с другом. В этом смысле, приходится рассматривать вопрос в сфере отрезка времени, который подвергает текст к повторной (в зависимости от сюжетного творчества) реконструкции и приобретает различные амплуа в тексте. Учитывая возможность индивидуального подхода ко времени, участвующего в создании эпических произведений (например, Б. Н. Путилов указал на три вида времени наравне с временем создания повествования – эпическим временем; временем сюжета – временем событий и эпохальным временем – [11, с. 33]), мы также предпочли аналогичный подход к указанному вопросу, и по сравнению с другими понятиями времени сочли необходимым субстантивированное это положение в тексте назвать «контаминативно-ситуационным» временем. По нашему мнению, это также может быть воспринято как время контаминативности (смешения) сюжетов.

Прежде всего, остановимся на моменте ситуативности, которая обеспечивает скопление в тексте. В этом случае сюжет последовательно (синхронно) проходит формирование в отрезке времени. Давайте посмотрим на эту ситуативность в приведенном из текста отрывке: 1. Момент, когда Шах Аббас, отправившийся на прогулку по своей стране вместе со своим визирем, встретил в деревне старика, роющего канаву в начале дня; 2. Момент, когда они после недолгой прогулки, во второй половине дня встретили пахаря, который пашет землю; 3. Момент, когда в сумерки, отойдя значительно далеко от территории, в мечети их «застиг» разговор трех жуликов, играющих в азартную карточную игру на деньги [2, с. 201-213]. Фактически, эти моменты являются относительными перерывами континуума, которые проецируют сменные фазы друг с другом. Важно, что время перерыва на этапах пересекается с горизонтальным перемещением в пространстве. А это само по себе признак того, что хронотоп выравнивает пропорциональность.

Во-вторых, это период Шаха Аббаса или Аббасов, подробности которого были описаны и оценены. В этой временной плоскости реалистичное и сюрреалистичное находятся в концентрации друг с другом, и это не могло не повлиять на формирование предтекстового прототекста (подробностей). Т. е. организация сюжета основана на такие этапы (диахронии), что, несмотря на то, что исторический фон, подробно характеризующий период Шаха Аббаса I, стимулировался в превосходном плане, в общем плане (в поэтической структуре текста) концентрированы стереотипы, характерные для периода Шаха Аббаса II. Например, можно отметить, что моделируемая формула переодевания на примере «переодеться в дервиша») в этот момент перешла в рабочее положение. Также отметим, что каждая из этих ситуаций основывается на независимый сюжет сказки. Интересно то, что сказитель смог представить нам независимые истории как единый сюжет, подвергая их контаминации (соединяя). Теперь давайте посмотрим на последовательность этих сюжетов: 1. История между Шахом и стариком, который вырыл канаву. 2. История Шаха и пахаря. 3. История Шаха и трех жуликов [2, с. 201-213]. В тексте плоскость (пространство), в которой происходят события, и имеющийся там хронотоп (время) параллельны друг другу. Связь реальностей с тем, что описано здесь, на самом деле проходит через эту параллельность. Мы считаем, что у известного прошлого пространственный предел не может быть абстрактным.

Большинство исследователей (в т. ч. Ф. Баят) придерживаются такого мнения, что, отличаясь от трудящихся в области индивидуального творчества, носители народной литературы могут регулировать свой творческий стиль параллельно пространственно-временным изменениям. В результате этого, они один язык используют в мифологическом пространственно-временном континууме, один – в эпическом, а в сказочном – совсем другой язык, стиль [1, с. 37].

Несомненно, здесь может идти речь об изменениях, основанных на формальные признаки. Таким образом, согласно нашему подходу, изменение стиля может быть рассчитано на изменение времени, и не может быть и речи об изменении смысла в разговоре. В целом, в сфере аудитории можно наблюдать изменение не только стиля, но и других ориентировочных показателей. Все эти изменения основаны на существующие условия, и регулирование условий все еще зависит от времени. Давайте обратим внимание на изменения качества, основанные на эту зависимость: 1. Назначение знаний по времени. 2. Выбор места в соответствии со временем. 3. Определение лимита времени для исполнения. 4. Подразумеваются изменение настроения в связи со временем (по сезону) и т. п.

Есть и другие изменения качества, которые рассчитываются не только по времени, но и по позиции аудитории. А теперь обратим внимание на те показатели, которые изменились в связи с аудиторией (пространством): 1. Аудитории организовываются в зависимости от сезона. 2. Аудитории обычно создаются, основываясь на признаки рельефа. 3. Аудитории могут измениться в зависимости от их состава и полового характера. 4. Организация аудиторий определяется также в зависимости от характера презентации.

Сказитель и пространство

А сейчас посмотрим в каких функциях отражается понятие пространства в сказительстве с точки зрения сказителя. Если взять пространство для рассказчика в узком смысле слова, то, в первую очередь, это его окружение, в котором он родился и вырос. И поэтому вполне естественно, что факты и признаки этого окружения имеют место в его речи. А в широком смысле слова пространство для говорящего – это пространство, окружающее его со всех сторон, небо, космос и Вселенная в целом. Однако, эти две сферы всегда взаимосвязаны в подходах сказителя к рассказанному. В зависимости от характера репертуара и состояния аудитории, он может вступить в контакт между этими сферами, с легкостью перейти из одной сферы в другую. Это обосновывает то, что сказитель также способен взглянуть на мир органично. Но каким бы привлекательным и роскошным ни казался ему мир, он видит свой ограниченный мир более привлекательным и роскошным. Сам сказитель имеет к этому особое отношение: «Я съездил, погулял в Иране, Туране, / Но снова здесь увидел рай» [2, с. 161].

Рассматривая рассказанное сказителем, можно заметить, что сказитель вступает в контакт с пространством по двум основным линиям. Первая линия – традиционная и контакт в этой позиции определяется, в основном, архаичными пространственными понятиями. Например, в тексте перечислены древние города, упомянуты забытые места и т. д. Вторая же линия напрямую зависит от среды говорящего, и построение контакта в этой позиции рассчитано на характерные локальные понятия. Расположение в повествовании идей, относящихся к местному ландшафту на самом деле делает эту позицию более актуальной. Потому что воспроизведение местных условий в исполнении, обычно, с интересом воспринимается на прослушивании. Эти понятия время от времени носят то общий, то конкретный характер. Например, они состоят из села, кочевья, возвышенности, зерновых, посевных полей и других понятий и воспроизводят локальный вид в общем плане. Рассмотрим проявление этой позиции в тексте: «Он сказал, Визирь Аллахверди, этот свет издалика не впустую. Это не село, не кочевье, неизвестно что, но пойдем же к свету!» [2, с. 202]. Здесь ссылка на свет подчеркивает связь данного объекта с пространством. В другом случае свет имеет космическое происхождение и символизирует Вселенную в целом.

Иногда можно заметить, что в тексте имеют место такие характерные выражения как мельница, мечеть, школа и т. п., которые регулируют контакт сказителя с аудиторией в конкретном плане в момент рассказывания. Следует обратить внимание на возникшую в таком плане ситуативность в приведенном из текста примере: «Поели, попили и встали, поехали. Эй, так и скажем, они же должны были пойти в школу!» [2, с. 206-207]. В общем, будь то школа или

мельница, или мечеть, такие сооружения в консервативных условиях несут в себе характер частного пространства, и в этих условиях выполняют функцию «маяка» для создания связи с имеющимися другими характерными сооружениями, как пешеход, транспорт и другими средствами. Например, «поднимаясь вверх школы», «после того, как перейти мечеть», «на большом расстоянии от мельницы» и др. такого рода определяющие фразы как будто бы становятся средством легкодоступного направления для людей проживающих в этих условиях. Эти сооружения отличаются от других строений, находящихся в таких же условиях тем, что они в дальнейшем воспринимаются как особая ценность. В целом, как и в жизни большинства народов мира, так и у азербайджанцев, если мельница занимает рабочую пространственную сферу, питающую человека, в полном смысле этого слова, то школа и мечеть воспринимаются в качестве пространства, которое во имя совершенствования человека может накормить его «морально». Однако эти сакральные пространства в некоторые периоды сталкивались с нашествием ложных идеологий и поэтому безжалостно преследовались (наши школы, особенно связанные с мечетью и религией, по этой же причине столкнулись с еще большим лишением). Во многих случаях эти предприятия были закрыты навсегда, в этих местах были организованы склады, клубы и другие предприятия подобного назначения. Даже случалось, что наши мечети были полностью разрушены, в результате чего эти места приняли вид руин. Вполне вероятно, что в таких обстоятельствах именно такое же состояние может быть эволюцией «распространения» метафоры «разрушенной мечети». Таким образом, этот чудовищный процесс продолжался от материального разрушения до «духовного разрушения». Очевидно, что такие противодействия как «составная часть духовности» также проникли в фольклор, в опубликованных в таких условиях журналах эти заведения представлены читателю в изуродованном виде. Например, частое употребление выражения «разрушенная мечеть» в наших сказках, составленных в советское время, по нашему мнению, не вызывало бы резонанса в обществе. Несомненно, это выражение не могло попасть в наши сказки случайно. Таким образом, этот типичный «подход» был одним из методов «предварительной подготовки» идеологии, чтобы лишить религию «своего расположения» среди общественности. (Несмотря на то, что в последующие годы эти недостатки были устранены, реальность такова, что в этот «исторический период» наша духовность пережила «большую скорбь». Даже если они и были под давлением идеологии, мы все равно не собираемся оправдывать тех наших составителей, которые были причастны к этому).

А теперь остановимся также на другом назревшем моменте для полемики вокруг текста. Например, у нас есть исследователи, придерживающиеся такого мнения, что отражение в народном искусстве не только мечети, но и вообще понятий, поясняющих религию, являются «плодом» идеологического влияния. Якобы после принятия ислама эти понятия «повелились» в искусстве, культуре и других сферах. В любом случае, мы не должны упускать из виду то, что в отдельные периоды подход к проблеме был одним из отдельных идеологических ракурсов. Таким образом, (насколько мы знаем из исторического опыта) одна идеологическая система «фетишизирует» идею, а другая пытается ее «полностью уничтожить» (в целом, стратегия государственной защиты этих политических систем основывалась на инстинкте «удержания идеи зависимой от интересов» – мнение мое А. А.).

На самом деле сторонники последнего мнения придерживаются того, что наши сказки существовали еще до ислама, но в то время не было мечети?! По нашему мнению, такой подход мог быть рассчитан на такую логику, что наши сказки подверглись религиозному влиянию позже. Безусловно, даже если мечеть имеет понятие, связанное с исламом, то, насколько нам известно, еще до ислама тоже были «пристанища», на которые поклонялся наш народ. В этих местах наш народ считал своим важным долгом молиться даже, если не «Аллаху» своему, то «Господу». А это и есть объяснение, рассчитанное на суть вопроса. А с виду на данный вопрос, можно предположить то, что выражение искусственно «заклепано» к этим образцам, в таком случае, почему же диктующие негативные оттенки (например, руины и т. п.) обозначения должны занять здесь позицию «в присоединенном виде»? Конечно, это интересный, но и противоречивый момент, и мы в любом случае рассчитываем на время, чтобы прояснить промежуточные противоречия.

Но вместе с тем, следует отметить, что в тексте, который мы записали от сказителя, слово мечеть использовано в совершенно другом амплуа. Мы постараемся решить указанную проблему в текстовой сфере. А теперь сосредоточимся на следующем примере: «Они увидели, что это большое здание. Мало-помалу, медленно-медленно, пошли. ... Дошли, они увидели, что, посмотрели из окна, увидели, что три жулика, прислонив свои винтовки, играют в карты. Но по форме – это мечеть!» [2, с. 202].

Дело в том, что сказитель считал приемлемым развивать сюжет сказки именно в этом направлении, во имя превращения жуликов в объект осуждения. Он даже был заинтересован в развитии такой линии в деталях, чтобы жулики сожалели о своих поступках и воздержались от позиции, которую они занимают. Рассмотрим ситуативность в части, показывающей их признания: «Эй, не знаю, уже полночь, мы не можем пойти в деревню от страха. Сидя в Божьем доме играем в карты. Что это за дело?! Я уже ненавижу нашу профессию» [2, с. 202].

При внимательном подходе становится понятнее, что говорящий продуманно готовит такие ситуации в тексте и умеет держать эти ситуации в надлежащем виде. При рассказывании имеют место такие моменты, как омовение, совершение намаза, хотя и в определенных рамках, но соблюдается чувствительный подход к религиозно-духовным вопросам. Обратим внимание на один из этих моментов в другом примере: «Встал, умылся, что-то сделал, совершил омовение. Пришли к ним» [2, с. 206].

Итак, попробуем систематизировать то, что мы думаем об этом сегодня. В целом, в ширванском говоре сказительство и пространственно-временные отношения являются важным событием. Здесь пространственно-временной, искусство-исполнительский континуум (пространственно-временная система) состоит из переменных и неизменных параметров, которые сами по себе (как и было сказано выше) основаны на конкретных показатели. Как результат исследования мы сгруппировали эти показатели по следующим направлениям:

1. Переменные параметры:

В ширванском сказительском искусстве лимит возраста, пола, настроения, времени и подобных показателей определяют изменяющиеся параметры исполнительства. Можно отметить рассказывание текста сказителем для детей, взрослых, женщин или для смешанной аудитории в разных соотношениях, или же усталость или бодрость слушателей, лимит времени для исполнения, определение стиля по ситуации, потому что они имеют непосредственное влияние на динамику, содержание рассказывания.

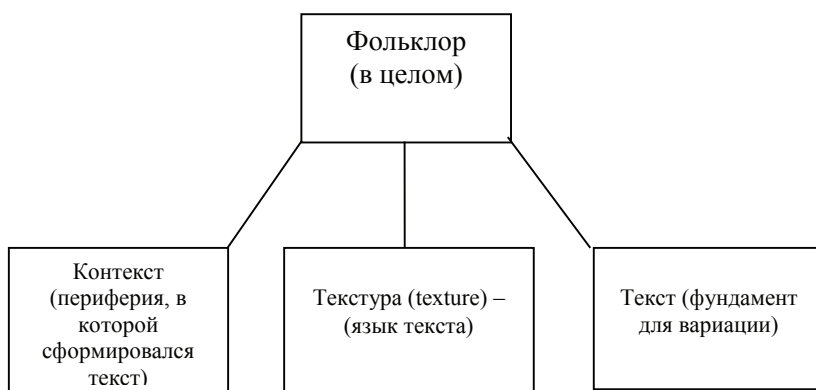
2. Неизменные параметры:

Ширванский художественно-исполнительский континуум имеет неизменные показатели для всей системы. Это общие религиозные, нравственные, ментально-психологические проявления региона. Одним словом, в каком бы пространственно-временном контексте ширванского художественно-исполнительского континуума не останавливался ширванский сказитель, он демонстрирует исполнение, основанное на устойчивых религиозных, моральных, ментально-психологических ценностях.

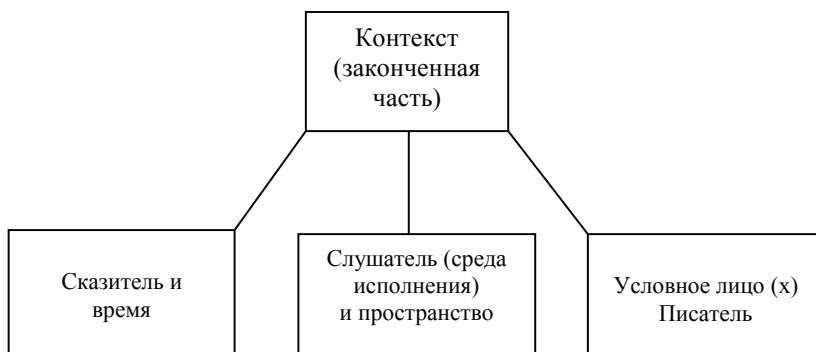
Сфера, в которой сформировался текст

На одно мгновение представим текст как сферический садж (железный диск, на котором пекут тонкие хлебные лепешки), закрепленную на трех ногах на равном расстоянии. Какой бы из этих ног не убрать саджа ждет известная участь. Если мы проведем аналогичное состояние в сферу текста, то вероятно, по сравнению с упавшим саджом и его ждет та же участь. Цель, отмеченная под символическим клише (обложкой), заключается в том, что на самом деле существуют важные основы, обуславливающие формирование текста. А теперь, обеспечив участие этих основ (где произошло это формирование), проведем наблюдение за процессом построения сложного и многогранного текста по условной схеме¹:

¹ Выражаем благодарность Ф. Баяту за близкое участие в построении схем.

Поскольку это часто происходит на почве аудитории, текст подвергается ряду (объективных и субъективных) воздействий. Эти воздействия могут быть как прямыми, так и косвенными. Эти каналы воздействия в целом завершают это формирование. Проследим во второй условной схеме, которая является продолжением предыдущего, за тем, какую функцию несут в себе эти факторы в целостности текста:

Интересно, что исследователи фольклора до сих пор не высказали мнение о том, какую функцию в процессе несет субъект, участвующий в качестве писателя (условного лица) на уровне аудитории. Как известно, текст выходит из живого исполнения с момента написания и превращается в архивный документ. Однако со временем при внимательном рассмотрении выясняется, что там имеют место «ненужные» моменты. Несомненно, эти моменты также могут показаться дефектами в тексте. Однако сам характер периода написания подобных проявлений дает материал для исследования (спор о процессе написания эпоса «Кероглу» продолжается и сегодня). Несомненно, «утрата первоначальности эпического языка в результате вмешательства в него собирателей и издателей, заплатывания в традиционную языковую структуру текста лексических и синтаксических элементов чуждых фольклору», и подобные тенденции всегда вызывали спор [12, с. 30].

Поскольку в связи с тем, что в каждой сфере имеется тема спора (на уровне собирателя и издателя), а также из-за требований мер предосторожности, требуется необходимость обсуждения темы в широкой аудитории (на наш взгляд, проблема должна быть решена в ближайшем будущем). По этой же причине, в центре внимания всегда должно быть то, на какой основе будущая судьба текста связана с тем, кто его записывает (писарь, собиратель, исследователь и т. д.). Учтем, что сказитель не просто рассказывает, образно говоря, он также «окутывает в себе время и мир». Сам он не только «носит в себе происходившее», также может проникнуть «в предназначение» (нам известны мотивации сущности вешаний Деде Коркута, Манаса – А. А.).

В предисловии книги, рассказывающей о сказках и мифологии народов Чукотки и Камчатки, Г. А. Меновщиков отмечает, что на формальное выражение и содержание текста исключительное влияние имеет период написания рукописи, мастерство, жанр произведения. Автор

показывает, что образцы устного творчества, написанные в начале века неграмотными сказителями, в современную эпоху передаются по-другому. «Современный сказочник, рассказывающий древнюю чукотскую сказку о браке человека с самкой медведя, говорит так: “народ начал соревноваться на пятидесятикилометровой дороге”. При переводе текста нельзя не отметить эту деталь, т. к. она относится к таким новым представлениям полеоазиятов как категории пространство, время, реальность» [13, с. 9].

Заключение

Закономерность заключается в том, что время и обстоятельства непрерывно меняются. Несомненно, эта диалектика какими-то признаками должна была отразиться в фольклоре. Однозначно, что другие культуры также подвержены такой деградации. В случае приобретения формальных признаков, мы все же не должны допустить, чтобы наши традиции были полностью оторваны от корней!

Есть такой афоризм, который очень любят астрономы: «Вселенная вечна временно, бесконечна пространственно». Но эта бесконечность и вечность в человеческом разуме нашли свое относительное разделение в концептуальном прошлом, настоящем и будущем. А видеть эту относительность в связи, ее продолжение было «поручено» судьбе человечества пока существует мир. В связи с тем, что это время относительное, давайте проживем ее достойно, не останемся равнодушными к тем, кто остался позади нас в этом пространстве, ради нашего будущего заботливо отнесемся к нашему прошлому!

Литература

1. Баят Ф. Проблема эпического времени и пространства (на основе частей «Книги моего Деда Коркута») // Деде Коркут : научно-литературный сборник. – 2002. – № 1 (2). – С. 28-43. (На азербайджанском яз.)
2. Сказка о Шахе Аббасе // Ахмедли А. Традиционное сказительское искусство (на основе ширванских фольклорных образцов). – Баку : Наука и образование, 2018. – С. 201-213. (На азербайджанском яз.)
3. Ахмедли А. Искусство сказительства и событие контаминации в традиции сказочничества // Деде Коркут : научно-литературный сборник. – 2007. – № 1. – С. 162-182. (На азербайджанском яз.)
4. Ахмедли А. Профессиональное сказочничество в традиционном сказительстве // Исследования по устному народному творчеству Азербайджана : сб. науч. ст. XXXVI. – Баку : Нурлан, 2011. – С. 52-74. (На азербайджанском яз.)
5. Ахмедли А. Профессия сказителя в фольклоре (на основе ширванских фольклорных образцов) : дисс. ... д. филол. н. – Баку, 2014. – 165 с. (На азербайджанском яз.)
6. Источники по истории Азербайджана / сост. : С. С. Алияров, Ф. Р. Махмудов и др. – Баку : АГУ, 1989. – 328 с. (На азербайджанском яз.)
7. Салим Ф. Просвещение и мистика в национальной системе памяти. – Баку : Наука и образование, 2010. – 460 с. (На азербайджанском яз.)
8. Кероглы / сост. : Г. Исмаилов, Е. Тофик кызы. – Баку : Седа, 2005. – 751 с. (На азербайджанском яз.)
9. Дюма А. Кавказское путешествие / пер. с франц. Г. Пашаев, Г. Аббасов. – Баку : Язычы, 1985. – 142 с. (На азербайджанском яз.)
10. Шарден Ж. Путевые заметки / пер. с франц. В. Асланов. – Баку : Элм, 1994. – 96 с. (На азербайджанском яз.)
11. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Ленинград : Наука, 1988. – 225 с.
12. Велиев К. Введение в лингвистическую поэтику. – Баку : АГУ, 1989. – 102 с. (На азербайджанском яз.)
13. Меновщиков Г. А. Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки (предисловие) // Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / сост., предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. – Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. – С. 5-49.

References

1. Bayat F. *Problema epicheskogo vremeni i prostranstva (na osnove chastei “Knigi moego Deda Korkuta”)* [Problems of epic time and space (on the base of the “Books of my Grandfather Gorgud”)]. In: *Dede Korkut: nauchno-literaturnyi sbornik* [Dede Gorgud: scientific-literary collection]. 2002, No. 1, pp. 28-43. (In Azerbaijani)

2. *Skazka o Shakhe Abbase* [Fairy tale of Shah Abbas]. In: Akhmedli A. *Traditsionnoe skazitel'skoe iskusstvo (na osnove shirvanskikh fol'klornykh obraztsov)* [Traditional narrative art (based on Shirvan folklore patterns)]. Baku, Nauka i obrazovanie, 2018, pp. 201-213. (In Azerbaijani)
3. Akhmedli A. *Iskusstvo skazitel'stva i sobytie kontaminatsii v traditsii skazochnichestva* [The art of narration and the event of contamination in the tradition of storytelling]. In: *Dede Korkut: nauchno-literaturnyi sbornik* [Dede Gorgud: scientific-literary collection]. 2007, No. 1, pp. 162-182. (In Azerbaijani)
4. Akhmedli A. *Professional'noe skazochnichestvo v traditsionnom skazitel'stve* [Professional fairy tales in traditional narration]. In: *Issledovaniya po ustnomu narodnomu tvorchestvu Azerbaidzhana: sb. nauch. st.* [Research on the oral folk art of Azerbaijan: Collection of scientific articles]. XXXVI. Baku, Nurlan, 2011, pp. 52-74. (In Azerbaijani)
5. Akhmedli A. *Professiya skazitelya v fol'klore (na osnove shirvanskikh fol'klornykh obraztsov)* [The profession of the narrator in folklore (based on Shirvan folklore samples)]. Diss. ... d. filol. n. Baku, 2014, 165 p. (In Azerbaijani)
6. *Istochniki po istorii Azerbaidzhana* [Sources on the history of Azerbaidjan]. Sost.: S. S. Aliyarov, F. R. Makhmudov i dr. Baku, AGU, 1989, 328 p. (In Azerbaijani)
7. Salim F. *Prosveshchenie i mistika v natsional'noi sisteme pamyati* [Enlightenment and mysticism in the national memory system]. Baku, Nauka i obrazovanie, 2010, 460 p. (In Azerbaijani)
8. *Kerogly* [Kerogly]. Sost.: G. Ismailov, E. Tofik kyzy. Baku, Seda, 2005, 751 p. (In Azerbaijani)
9. Dyuma A. *Kavkazskoe puteshestvie* [Caucasian travel]. Per. s frants.: G. Pashaev, G. Abbasov. Baku, Yazychy, 1985, 142 p. (In Azerbaijani)
10. Sharden Zh. *Putevye zametki* [Travel notes]. Per. s frants. V. Aslanov. Baku, Elm, 1994, 96 p. (In Azerbaijani)
11. Putilov B. N. *Geroicheskii epos i deistvitel'nost'* [Heroic epic and reality]. Leningrad, Nauka, 1988, 225 p. (In Russ.)
12. Veliev K. *Vvedenie v lingvisticheskuyu poetiku* [Introduction to linguistic poetics]. Baku, AGU, 1989, 102 p. (In Azerbaijani)
13. Menovshikov G. A. *Ob ustnom povestvovatel'nom tvorchestve narodnostei Chukotki i Kamchatki* [About the oral narrative creativity of the Chukotka and Kamchatka peoples]. In: *Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki* [Tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka]. Sost., predisl. i primech. G. A. Menovshchikova. Moscow, Nauka, Gl. red. vost. lit-ry, 1974, pp. 5-49. (In Russ.)